

EUROPA ORIENTALIS 22 (2003): 1

СТОЛИЧНЫЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА
В УЛИЧНОЙ ПЕСНЕ XX ВЕКА: ТОПИКА И ТОПОНИМИКА

Сергей Ю. Неклюдов

Поезд помчал меня с бешеною скоростью,
Утром мы были в Москве.
Вечером Харьков мелькнул огоньками...
Сутки еще промелькнули в движении
Грозный, Ростов и Сухум.
Утром подъехали к станции маленькой
С южным называньем Батум...
Надо идти и опять окунаться
В хмурый и злой Петроград.

Песни, о которых пойдет речь, были популярнейшей частью устной традиции совсем недавнего прошлого. На протяжении почти всего минувшего века они сопровождали совместное времяпрепровождение горожан, преимущественно – молодых, составлявших окциональные или более-менее постоянные микролоктевы. Эти песни оставались непременной частью дружеских встреч, застолий, домашних праздников, они звучали в туристических походах и профессиональных экспедициях (геологических, археологических), на летних студенческих практиках, в различных ситуациях вынужденного досуга и т. п. Пространством их бытования становились места встреч неформальных групп молодежи, комнаты и кухни городских квартир или общежитий, подъезды домов, городские дворы и скверы, пляжи водоемов, лагеря и стоянки альпинистов, туристов, геологических партий, стройотрядов и т. д. Это мог быть кузов грузовика, салон автобуса или поезда, где на какое-то время оказывалась группа людей желающих /умеющих попеть/ послушать песню; наконец, места заключения и – насколько об этом можно судить – воровские притоны ('малины').

Все эти тексты – довольно разнородные – обладают одним общим качеством: они не являются санкционированными нормативной господствующей культурой, существуя лишь в русле “спонтанных традиций”, более того – иногда (хотя и отнюдь не обязательно) прямо противостоят ей, пародируя ее, демонстративно нарушая ее каноны. Соответственно, в ассортименте уличных песен относительно редки произведения, прямо ‘надиктованные’ кинофильмами, радио, позднее – телевидением. Если они все же попадают сюда, то обычно в переинченном, фольклоризованном виде.

Поются они обычно в сопровождении гитары, аккордеона, реже – фортепьяно, либо вообще без аккомпанемента, соло и хором (а также с хоровым подхватом, с хоровым припевом); есть свидетельства и об ‘амбейном’ исполнении, своего рода диалогическом, с попрежнем чередованием мужской и женской партий. Этим, кстати, хорошо объясняются некоторые сюжетные несуразности песен, предположительно перешедших из формы ‘амбейной’ в монологическую. Следует добавить, что при перемещении городских песен в сельскую среду модифицируется скорее не сюжет, а именно исполнительская манера: песня становится более протяжной, появляются регулярные (или частые) повторы строк / двустroчий (что практически не встречается в более энергичных и кратких городских вариантах).

Произведения городского песенного фольклора имеют строфическую структуру (по 4-5 строк в строфе), с перекрестной, смежной, опоясывающей, но не очень устойчивой и не очень точной рифмой; иногда наблюдается внутри- и межстиховые аллитерации и ассоцансы. Происхождение всех этих песен – литературное, точнее, индивидуально-авторское; они становятся анонимными и обрастают вариантами в процессе последующей фольклоризации. С эстрадными истоками связана куплетная форма некоторых текстов, не имеющих устойчивого сквозного сюжета, причем набор и последовательность этих куплетов могут варьироваться в весьма широких пределах.

Двустороннее взаимодействие уличной песни с ‘низовой’ (ресторанной, садово-парковой) эстрадой, имевшее место в начале XX в., прерывается уже в первые годы советской власти, что несомненно способствует фольклоризации жанра. Положение меняется в 50-е годы, с появлением самодеятельной (‘авторской’, ‘бардовской’) песни, активно использующей поэтику городского романса, с одной стороны, и погружающейся (по крайней мере в какой-то своей части) в устную безавторскуюстихию, с другой (Соколова, 2002). Наконец, в 80-90-е годы уличная песня вновь приходит на подмостки массовой культуры. Она адаптируется

ресторанной эстрадой (А. Северный, В. Токарев, М. Шуфутинский, М. Звездинский), тиражируется популярной радио- и телепрограммой “В наше гавань заходили корабли” (Э. Н. Успенского и Э. Н. Филиной), одноименными книжными публикациями, аудиокассетами и компакт-дисками; по-видимому процесс совпадает с угасанием самой фольклорной традиции.

За последнее десятилетие издано большое количество текстов городских песен (см. их обзор: Крылов 1997, с. 432-440), однако среди них преобладают самозаписи и недокументированные перепечатки (Вайсконф 1981; Дианов-Мучник-Фабрикова 1992; Успенский-Филина 1995; Пентюхов 1995; *Любимые песни* 1995; Шелег 1995, 1997; Хмельницкий-Яесс 1996 а, 1996 б; Добряков 1997; Ахметова 2000; Бронников-Майер 2001 и др.), тогда как научных публикаций – с паспортизацией и текстологическим анализом – сравнительно немного (Смолицкий-Михайлова 1994; Адоньева-Герасимова 1996; Чистова-Чистов 1998; Джекобсон-Джекобсон 1998, 2001; Кулагина-Селиванов 1999; Тамаркина 2000); здесь же следует упомянуть цикл публикаций и разысканий В. С. Бахтина (1978; 1995а; 1995б; 1995в; 1995г; 1995д; 1997; 1997-1998).

Немногочисленны и специальные исследования в данной области. Кроме небольшого количества общих описаний (Адоньева-Герасимова 1996б; Селиванов 1999; Башарин 2003), а также литературных эссе и воспоминаний (Шаламов 2000; Терц 1979; Сарнов 1996; Бахнов 1996; Волохонский МЖ), можно упомянуть лишь несколько работ, которые имеют прямое отношение к истории зарождения данного жанра (Зеленин 1994; Недзельский 1924; Стратен 1927) и отдельных песенных текстов (Бахтин 1978; 1995а; 1995б; 1995в; 1995г; 1995д; 1997; 1997-1998), рассматривают связанные с ним или прямо входящие в него формы – прежде всего, народный романс и народную балладу (Копанева 1982; 1983б; Кофман 1986; Гусев 1988б; Гудошников 1990; Петровский 1997; Кулагина 1998, с. 39-61), а также его разновидности – археологические, ‘пионерские’ (Башарин 1999; 2000а; 2000б; Башарин-Вениг 1999; Вениг 2000; Белецкий 2000; ПАЭ 2000), тюремные и ‘блатные’ песни (Джекобсон 1998а; 2001а; Джекобсон-Шерер 1997; Купина 1999, с. 121-150).

Кроме перечисленных выше, исследователи выделяют довольно большое количество тематических групп, циклов, жанровых разновидностей городских песен, для обозначения которых чаще всего используются термины *романс* и *баллада*. Действительно, непосредственными предшественниками уличной песни XX в. является городской (он же ‘мещанский’) романс и народная баллада, однако ее ядром (и по-видимому определяющей частью) является фольклор уголовников (‘блатная’ песня). Соответственно, многие ее сюжеты так или иначе связаны с жиз-

нью преступной среды, с жульничеством, грабежом, ‘гастролям’ (т. е. с поездками в чужой город для воровского промысла), с арестом, тюрьмой, побегом и т. д.

Все эти песни относятся к городскому фольклору не только по происхождению и бытованию, но и по своей топике. Их художественное пространство имеет городской облик, деревенские поселения и природа упоминаются чрезвычайно редко, персонажи обычно живут в городах [и рождаются в городе – за редчайшим исключением, например: “Я родился на Волге в семье батрака / рыбака...” (Ахметова 2000: 39)], в городах протекают и описываемые события. Более того, сами социо-культурные условия города играют решающую роль в сложении и развитии их сюжетных ситуаций [“Город познакомил нас с тобой”, – поется в одной из песен (“На Черном море...” // кассета “Наша гавань” № 11)].

Чаще всего места, где протекает действие песен, имеют предельно обобщенные наименования (ресторан, бар, тюрьма, камера, больница, улица, переулок, площадь, вокзал и т. д.), но сами города обычно обозначаются точно; очень редки строки, типа следующей: “Приехал в город, позабыл его название...” (Ахметова 2000: 41).

Кроме самих городов, в песнях встречается большое количество других топонимических указаний: части света, страны, регионы, края:

- Север, Юг, Восток, Запад;
- Полярный круг (ехать/быть отвезенным за Полярный круг), Сибирь, Соловки, Колыма (Колымская сторона);
- Китай, Турция, Огненная Земля, Южные штаты (?);
- Кавказ, Карелия, Казахстан (степи Казахстана), Биробиджан, Алданская страна, Дальний Восток, Сахалин, Анадырь, Донбасс;
- Балтийский, Колымский, Северный, Ухта-Печерский края;
- лагеря (Карлаг) и стройки (Беломорканал, Москва-Волга);
- станции “Раздельная” и “Пурга”; Ванинский порт;
- реки (Волга, Нева, Дон, Днепр, Печора, Воркута, Амур, Янцзы), моря (Черное, Каспийское, Охотское), озера (Байкал, Севан), горы (Арарат) и т. д.

При этом Юг изредка упоминается лишь как место отдыха или ‘гастролей’ жуликов [“Я был в Питере, Одессе и на Юге...” (Джекобсон 1998: 192)], а Север и Восток фигурируют практически только в качестве мест заключения [кроме фольклора острабайтеров (Чистова-Чистов 1998), у которых противопоставление Запада и Востока имеет совсем другое значение, чем в общерусской песенной традиции; кстати, обозначение ‘Запад’ вообще встречается только в их текстах].

Наконец, указываются пункты предельной удаленности (“От Шилки и до Нерчинска / До самой Колымы...”; “Далеко, верст за тысячу с лишним, / Где построен был город Мурманск...”) и, так сказать, географические оппозиты: Черное море – Дальний Восток, Одесса (Одесский карантин) – остров Сахалин (Одесса – Сахалин), Ростов – “сибирские дали” и др. (Джекобсон 2001: 42, 126; 1998: 102; Ахметова, 2000: 101).

Для данной работы было привлечено около 500 текстов, включая их варианты (основной материал – Джекобсон 1998, 2001; контрольный – Ахметова 2000). По этому поводу необходимы некоторые пояснения.

Во-первых, оценить подобное количество по отношению ко всей русской городской песенной традиции не представляется возможным; вероятно это не менее пятой части ныне опубликованных текстов и десятой части всего массива городской песни. Такого количества, разумеется, недостаточно для окончательных суждений, но оно вполне репрезентативно для получения предварительных наблюдений.

Во-вторых, какие-то коррективы (прежде всего, по линии уменьшения числа городских топонимов) должны появиться при привлечении городских песен, записанных в сельской местности (Смолицкий-Михайлова 1994; Адоньева-Герасимова 1996; Кулагина-Селиванов 1999; Тамаркина 2000).

Наконец, в-третьих, характер избранного для обследования материала – а это преимущественно песни тюремные и ‘блатные’, хотя и не только они, – несомненно накладывает свой отпечаток и на топику текстов, и на используемую в них топонимику.

В рассмотренных песнях упоминаются называния следующих городов: Анапа, Ашхабад, Багдад, Баку, Батум (Тум-Батуми), Берлин, Бухара, Вязьма, Грозный, Ереван, Иркутск, Кабул, Казань, Кемь, Калуга, Киев, Кишинев, Курган, Ленинград (Петроград, Питер), Марсель, Магадан, Мелитополь, Москва, Минск, Мурманск, Нальчик, Нижний Новгород (село Малиновка), Нерчинск, Одесса, Париж, Полтава, Ростов (-на-Дону), Самара, Севастополь, Симбирск, Сухум, Тифлис, Харьков, Херсон, Шанхай. Всего 40 городов, однако их статус и частотность появления в текстах весьма различны.

Города связаны коммуникационными линиями. Это может быть и почтово-телеграфная связь [“Одесский розыск рассыпает телеграммы...” (Джекобсон 1998: 135-136)], однако в подавляющем большинстве случаев речь идет о железной дороге и поездках по направлению *север–юг* (значительно реже – *запад–восток*): Одесса – Москва, Одесса – Беломорканал, Одесса – Питер, Ростов (Амур, Кабул) – Одесса, Москва – Кавказ, Ере-

ван – Баку, Курган – Магадан, Ростов – “сибирские дали”, лагерь – Тифлис. Наиболее подробно изображается маршрут: Питер – Москва – Харьков – Грозный – Ростов – Сухуми [в старой воровской песне “Помни я, тихую зимнюю ночь...” (Джекобсон 1998: 86-87); ср. эпиграф к данной статье]. Значительная часть этих поездок связана с образом жизни уголовников – ворующих в поездах, едущих на воровские ‘гастроли’, ‘на отдых’, спасающихся от преследования или, напротив, увозимых в тюрьмы и лагеря. Поездка на поезде описывается чрезвычайно часто:

Поезд помчал меня с бешеною скоростью...

Сутки еще промелькнули в движении... [Джекобсон 1998: 86-87]

Мчится, мчится скорый поезд

Ереван—Баку... [Ахметова 2000: 31].

Мчится поезд на закате.

Горы за окном... [Ахметова 2000: 64].

А поезд мчит Москва—Кавказ... [Ахметова 2000: 47].

Едем к морю сквозь Донбасс... [Джекобсон 1998: 270]

Он отбудет свой срок наказанья...

И уедет со скорым в Тифлис... [Ахметова 2000: 116].

Июньским вечером экспресс к Москве подходит,

И из вагона выхожу я на вокзал... [Джекобсон 2001: 159].

Нас посадят с холодны вагоны...

Повезут по железной дороге... [Джекобсон 1998: 208].

Чередой за вагоном вагон...

Из Ростова в сибирские дали... [Ахметова 2000: 101].

Ехала девчонка из Кургана,

Пятерик везла из Магадана... [Ахметова 2000: 127].

Сюжетные функции городов, упоминаемых в песнях, суть следующие:

- Место рождения / происхождения;
- Место жизни;
- Место деятельности героя (в том числе ‘гастроли’ вора);
- Место заключения;
- ‘Промежуточный’ город, через который проезжает герой (включая ‘промежуточное’ место заключения: распределительный пункт, перевальная тюрьма, ‘централ’);

- Место ‘отдыха’ (где вор тратит украденное);
- Город, являющийся источником продуктов (или напитков) особенно высокого качества;
- Город, выделяющийся своими особыми функциями и статусом.

Некоторые названия лишь упоминаются в составе своеобразных ‘спиков городов’. Среди них есть промежуточные, через который проезжает герой:

Утром мы были в Москве...
Вечером Харьков мелькнул огоньками...
Грозный, Ростов и Сухум.
Утром подъехали к станции маленькой
С южным называнием Батум [Джекобсон 1998: 86-87].

Гастрольные:

В Харькове и в Ленинграде, в Москве и Ашхабаде... [Джекобсон 1998: 133].

В Киеве, Ленинграде,
Москве и Ашхабаде, –
Всюду он покупки покупал (т. е. воровал) [Ахметова 2000: 44].

Я был в Москве, Биробиджане, Кишиневе и Казани,
Я был в Баку и даже в самом Кишиневе...

Я был в Питере, Одессе и на Юге,
В Кишиневе, Магадане и Калуге,
А в Мелитополе пришлось надеть халат (т. е. попасть в тюрьму)
[Джекобсон 1998: 191-192].

Я в Берлине научился ,
А в Париже наловчился... [Джекобсон 2001: 83-84].

Источники высококачественных напитков:

Мадера из Бухары и водка из Самары... [Джекобсон 1998: 133].

Шампанское аж с Марса привезли,
Коньяк из Ленинграда, зубровка из Багдада,
Запеканка с Огненной Земли [самозапись, Москва, 1950-е годы].

Был ликер из южных штатов... [Джекобсон 1998: 144-145].

Города, выделяющиеся своими особыми функциями и статусом:

Одесса славится б....ми,
Ростов спасает бояков,
Москва хранит святую веру,
А Севастополь моряков [Джекобсон 1998: 214]

Ой, Москва, Москва, моя Москва,
Сколько ты нам горя принесла:
Все судимости открыла,
Соловками (Колымою, Усольлагом, Ныроблагом) наградила...
[Джекобсон 1998: 220-221]

Мне дорог Питер и Одесса-мама [Джекобсон 1998: 289]

Большая часть городов наделена лишь какой-нибудь одной сюжетной функцией.

– Место рождения/происхождения: Вязьма, Нижний Новгород (село Малиновка), Полтава, Симбирск:

Мы из Вязьмы два громилы...[Джекобсон 1998: 148]

Я уроженец Нижегородский
И с Малиновки села... [Джекобсон 1998: 57-58]

Во Полтаве я родился... [Джекобсон 1998: 24-25]

Бежала я из-под Симбирска... [Ахметова 2000: 12]

– Место постоянного обитания: Кабул, Курган, Тифлис.

Прибыла в Одессу банда из Амура...
Прибыла в Одессу банда из Кабула... [Джекобсон 1998: 153, 155]

Ехала девчонка из Кургана... [Ахметова 2000: 127]

Он отбудет свой срок наказанья
И уедет со скорым в Тифлис... [Ахметова 2000: 116]

– Место действия песни: Шанхай, Марсель.

Город большой Шанхай
На берегу том есть [Джекобсон 2001: 154-155].

Шумит ночной Марсель... [Джекобсон 1998: 231-232]

- Места ‘гастролей’ вора: Ашхабад, Баку, Берлин, Биробиджан, Казань, Калуга, Нальчик, Париж, Херсон.

Жил в Одессе рыжий паренек,
Ездил он в Херсон за арбузами... [Джекобсон 1998: 227-229]

Три полудевочки, один фартовый мальчик,
Который ездил побираться в город Нальчик... [Джекобсон 1998: 194-198]
(см. также примеры, приведенные выше).

- Места “отдыха” (где вор тратит украденное): Анапа, Батум (Тум-Батуми).

Надену я черную шляпу,
Поеду я в город Анапу... [кассета “Легенды блатной песни. Таганка” № 4 А]

Я увезу тебя в мой город Тум-Батуми... [Джекобсон 1998: 194-198]

- ‘Промежуточный’ город, через который проезжает герой: Грозный, станция Раздельная, Сухум (см. примеры, приведенные выше).

- ‘Промежуточное’ место заключения (распределительный пункт, пересыльная тюрьма, ‘централ’): Кемь (распределительный пункт Соловецких лагерей), Минск (Минский централ).

Повезут по железной дороге
В всем известную станцию Кемь... [Джекобсон 1998: 208].

Вот на Минском на централе... [Джекобсон 1998: 30].

- Город, являющийся источником напитков (или продуктов) особенно высокого качества: Багдад, Бухара, Самара (см. примеры, приведенные выше).

- ‘Высокостatusный’ город: Севастополь (см. пример, приведенный выше).

Несколько городов имеют по 2-3 функции: Иркутск (место деятельности и заключения, в том числе пересыльного – Александровский централ); Кишинев, Мелитополь и Магадан (места ‘гастролей’ и заключения); Харьков (‘промежуточный’ и ‘гастрольный’ город); Париж (место жизни, деятельности и ‘гастролей’); Киев (место рождения и жизни, деятельности и ‘гастролей’).

Резко выделяются в этом отношении 4 города: Ростов [место деятельности и заключения; ‘промежуточный’, ‘гастрольный’ и ‘высокостatusный’ город: “быть первым (вором)” в Ростове (Джекобсон 1998:

133)]; Питер / Петроград / Ленинград (место рождения, жизни, деятельности, ‘гастролей’, заключения, источник высококачественных напитков), Москва (место жизни, деятельности, ‘гастролей’, заключения; ‘промежуточный’ и ‘высокостатусный’ город) и, наконец, Одесса (место жизни, деятельности, ‘гастролей’, заключения; ‘высокостатусный’ город).

Еще выразительнее частотность упоминаний городов. Свыше одного раза встречаются Батум, Кишинев, Харьков (по 2 раза), Магадан и Иркутск (по 4 раза), Ростов (8 раз), Москва и Питер / Петроград / Ленинград (по 14 раз), Одесса (23 раза).

Наконец, лишь немногие города наделены микротопонимикой. Это опять-таки Москва (в которой есть Калужская застава, Конская ярмарка, Крымский мост, Арбат, Лиховский переулок), Одесса [(улицы Молдаванка, Дерибасовская, Молдаванка, Привоз, пляж Ланжерон) ср.: Юдин 2003], Питер (Гороховая, Невский), Ростов [Багартьяновская – искаженное Богатьяновская? (Джекобсон 1998: 194-198)], Киев (Подол), Иркутск (с Александровским централом).

Таким образом, модель мира русской уличной песни XX в. включает следующие города: Москва, Ленинград (Петроград / Питер), Киев; Одесса, Ростов, Магадан, Иркутск, т. е. три исторические столицы Руси/ России, две общепризнанных ‘столицы’ уголовного мира и две исторические ‘столицы’ сибирской каторги. Прочие города составляют своеобразную периферию и не имеют самостоятельного значения. Обычно они не включаются в реальное действие, а только упоминаются в качестве места рождения героя, которое он покидает навсегда; промежуточных пунктов его путешествий; городов, в которые он ездит по делам. В сущности, эта модель пространства является вполне обычной для повествовательного фольклора и может быть сопоставлена, например, с пространственной структурой в русской былине.

Географическое распределение топонимов выглядит следующим образом:

- Европейский Юг (Мелитополь, Севастополь, Мариуполь, Херсон, Киев, Кишинев, Харьков, Ростов, Одесса);
- Центральная Россия (Москва, Ленинград, Вязьма, Калуга, Казань, Новгород, Самара, Симбирск);
- Кавказ (Баку, Ереван, Тифлис, Батуми, Сухуми, Грозный, Нальчик);
- Европа (Берлин, Лондон, Париж, Марсель, Неаполь, Рим);
- Сибирь (Иркутск, Нерчинск, Магадан, Курган);
- Средняя Азия (Ашхабад, Багдад, Бухара);

- Европейский Север (Мурманск, Кемь);
- Зарубежная Азия (Шанхай, Кабул).

Итак, наиболее широко представлены: юг России, Украина, Кавказ; гораздо меньше – Сибирь. Упоминаются города на Волге и города, через которые проходят железные дороги с юга на север страны. Это не только соответствует тематическому составу городской песни, но и согласуется с некоторыми гипотезами относительно происхождения данного жанра. В известных нам формах он, вероятно, сложился в 1910-х – 1920-х годах в южных областях, причем эпицентром его распространения скорее всего была Одесса (что, в частности, объясняет ее решительное преобладание как по частоте упоминаний, так и обилию ее микротопонимов).

ЛИТЕРАТУРА

Адоньева С. - Герасимова Н.

- 1996a Современная баллада и жестокий романс. Сост. С. Адоньева – Н. Герасимова. СПб. Изд-во Ивана Лимбаха. 1996.
1996б “Никто меня не пожалеет...”. Баллада и роман как феномен фольклорной культуры нового времени. – Современная баллада и жестокий романс. Сост. С. Адоньева - Н. Герасимова. СПб. Изд-во Ивана Лимбаха. 1996, с. 338-364.

Ахметова Т. В.

- 2000 Уличные песни. Сост. Т. В. Ахметова. М. Колокол-пресс. 2000.

Бахнов Л.

- 1996 Интеллигенция поет блатные песни. – Новый мир (1996) № 5.

Бахтин В. С.

- 1978 Песни Ленинградской области. Записи 1947-1977 гг. Л. Лениздат. 1978.

- 1995a “Вышел в Кронштадт пароход...”. – Нева (1998) № 9, с. 211-216.

- 1995б “Гоп со смыком”. – Нева (1997) № 11, с. 234-236.

- 1995в “Кирпичики”. – Нева (1997) № 10, с. 225-229.

- 1995г “Муркина” история. – Нева (1997) № 4, с. 229-232.

- 1995д Из городского песенного репертуара 1920-30 гг. – Живая старина (1995) № 1, с. 19-20.

- 1997 Не сметь думать что попало! – Самиздат века. Сост. А. Стреляный, Г. Сапир, В. Бахтин, Н. Ордынский. Минск–Москва, Полифакт. 1997, с. 784-792, 837-846, 897-915, 935-937, 954-963.
- 1997-98 “Краснобай” [рубрика]. – Вечерний Петербург: № 12, 28.02.1997 (“Краснобай”: Здравствуй, моя “Мурка”!..); № 91, 16.05.1997 (“Краснобай” пролетарский); № 96, 23.05.1997 (“Краснобай” в поисках радости); 13.06.1997 (“Краснобай” у Льва Толстого); № 115, 20.06.1997 (“Краснобай” в гоп-компании); 27.06.1997 (“Краснобай” и ГОЭЛРО); 4.07.1997 (“Краснобай” в студенческой тужурке); № 135, 18.07.1997 (“Краснобай” с песнями); 8.08.1997 (“Краснобай” в притоне Сан-Франциско); № 158, 22.08.1997 (“Краснобай” в Испании и дома); 28.08.1997 (“Краснобай” среди студентов); 12.09.1997 (“Краснобай” семнадцатого года); 19.09.1997 (“Краснобай” на Гражданской); № 193, 13.10.1997 (“Краснобай” и крамбамбули); 14.11.1997 (“Краснобай” с жестоким романом); № 12, 21.11.1997 (“Краснобай” Юргского периода); 28.11.1997 (“Краснобай” и тонкая химия); 5.12.1997 (“Краснобай” беспризорный); 19.12.1997 (“Краснобай” гуляет годовщину); 26.12.1997 (“Краснобай” в сиреневом тумане); 16.01.1998 (“Краснобай” оттепельный); 23.01.1998 (“Краснобай” на автомобиле).
- Бахтин В. С. Путилов Б. Н.
- 1994 Фольклор и культурная среда ГУЛАГа. Сост. Бахтин В. С. и Путилов Б.Н. СПб. 1994.
- Башарин А. С.
- 1999 Диалогические включения и маргинальные реплики в текстах нового и новейшего песенного фольклора. – “Юрьевские чтения”. Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Вып. 1. СПб. 1999, с. 133-139.
- 2000a Песенный репертуар пионерлагерей. “Пионерские” песни и “пионерские” варианты. – Традиция в фольклоре и литературе. Статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета. Редактор-составитель М. Л. Лурье. СПб. 2000, с. 105-120.
- 2000b Песенный фольклор археологических экспедиций. – Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. СПб. 2000, с. 71-79.
- 2003 Городская песня. Современный городской фольклор. Редакция А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. Российск. гос. гуманит. ун-т. 2003.

Башарин А. С., Вениг М. В.

- 1999 Археологические песни и песни археологов. – Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти В. Д. Белецкого (1919-1997). Т. 1. СПб. Псков, [1999], с. 53-61.

Белецкий С. В.

- 2000 Заметки к истории песен в археологических экспедициях. – Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. СПб. 2000, с. 80-115.

Бронников А. Г. Майер В. А.

- 2001 Российские виёны. Сост. А. Г. Бронников, В. А. Майер. М. Изд-во АСТ. Гея итэрум. 2001.

Вайскопф Я

- 1981 Блатная лира. Сб. тюремных и лагерных песен. Собр. и сост. Я. Вайскопф. Иерусалим 1981.

Вениг М. В.

- 2000 Песенный репертуар археологических экспедиций. – Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. СПб. 2000, с. 64-70.

Волохонский А.

- Забытые песни. – Митин журнал № 59
[<http://mitin.com/mj59/volohon.shtml>](http://mitin.com/mj59/volohon.shtml)

Гудошников Я. И.

- 1990 Русский городской романс. Тамбов 1990.

Гусев В. Е.

- 1988а Песни русских поэтов в двух томах. Вступит. ст., сост., подгот. текста, биографич. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л. Сов. писатель. Биб-ка поэта. 1988.

- 1988б Песни романсы, баллады русских поэтов. – Песни русских поэтов в двух томах. Л. Сов. писатель. Биб-ка поэта. 1988, с. 5-54.

Джекобсон М., Джекобсон Л.

- 1998 Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917-1939). М. Совр. гуманит. ун-т. 1998.

- 2001 Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940-1991). М. Совр. гуманит. ун-т. 2001.

Джекобсон М.

- 1998а Предисловие. Особенности тюремной песни в России. – Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917-1939). М. Совр. гуманит. ун-т. 1998, с. 8-18.

- 2001а Предисловие. – Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940-1991). М. Совр. гуманит. ун-т. 2001, с. 11-28.
- Джекобсон М., Шерер Д.
- 1997 Песни советских заключенных как исторический источник. – Живая старина (1995) № 1, с. 9-10.
- Дианов Ю. П., Мучник А. Д., Фабрикова Т. Н.
- 1992 Песни неволи. Сост. Ю. П. Дианов, А. Д. Мучник, Т. Н. Фабрикова. Воркута. 1992.
- Добряков А.
- 1997 Уличные песни. Сост. А. Добряков. М. 1997.
- Зеленин Д. К.
- 1994 Новые веяния в народной поэзии. – Д. К. Зеленин. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М. 1994.
- Копанева Н. П.
- 1982 О литературном происхождении русской новой народной баллады. – Вестник ЛГУ. 1982. Вып. 36. № 14, с. 58-63.
- 1983а Песенники для народа в XIX веке. – Русские библиотеки и их читатель. (Из истории русской культуры эпохи феодализма). Л. 1983, с. 226-232.
- 1983б Новая баллада. (Жанровые границы. Сюжеты). – Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа. 1983, с. 89-96.
- Кофман А. Ф.
- 1986 Аргентинское танго и русский мещанский романс. – Литература в контексте культуры. М. 1986, с. 220-233.
- Крылов А.
- 1997 В нашу гавань заходили корабли. Песни неволи. Современная баллада и жестокий романс. Фольклор ГУЛАГа и другие сборники. – Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Вып. 1. М. ГКЦМ В. С. Высоцкого. 1997, с. 432-440.
- Кулагина А. В.
- 1998 Современное состояние баллады. – Фольклор Севера: Региональная специфика и динамика развития жанров. Исследования и тексты. Отв. ред. Н. В. Дранникова, А. В. Кулагина. Архангельск. Изд-во Поморского ун-та. 1998, с. 39-61.
- Кулагина А. В., Селиванов Ф. М.
- 1999 Городские песни, баллады, романсы. Сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. Вступит. ст. Ф. М. Селиванова. М. Филол. ф-т МГУ. 1999.

- Купина Н.
- 1999 Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург. Изд-во Уральского университета. 1999.
- Любимые песни*
- 1995 Любимые песни. Вып. IV. Тюмень. ИПП "Тюмень". 1995.
- Мордерер В. - Петровский М.
- 1997 Русский романс на рубеже веков. Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев. Оранта-Пресс. 1997.
- Недзельский Евг.
- 1924 Народная поэзия в годы революции. – Воля России. Прага 1924. № 5 (март), с. 1-28; № 6-7, с. 44-66.
- ПАЭ
- 2000 Песни археологических экспедиций. – Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6. Песенный фольклор археологических экспедиций. СПб. 2000, с. 15-63.
- Пентюхов В.
- 1995 Песни узников. Сост. В. Пентюхов. Красноярск. Произ.-издат. комб. "Офсет". 1995.
- Петровский М.
- 1997 Скромное обаяние кича, или что есть русский романс. – Русский романс на рубеже веков. Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев. Оранта-Пресс. 1997, с. 3-60.
- Сарнов Б.
- 1996 Интеллигенция поет блатные песни. – Вопросы литературы. Сентябрь-Октябрь 1996, с. 350-374.
- Селиванов Ф. М.
- 1999 Народные городские песни. – Городские песни, баллады, романсы. Сост., подгот. текста и comment. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. Вступит. ст. Ф. М. Селиванова. М. Филол. ф-т МГУ. 1999, с. 5-28.
- Смолицкий В. Г. - Михайлова Н. В.
- 1994 Русский жестокий романс. Сост. В. Г. Смолицкий, Н. В. Михайлова. М. ГРЦРФ. 1994.
- Соколова И.
- 2002 Авторская песня: от фольклора к поэзии. М. ГКЦМ В. С. Высоцкого. 2002.
- Стратен В. В.
- 1927 Творчество городской улицы. – Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН. Под ред. Ю. Соколова. Т. II-III. М. 1927.

Тамаркина Э. А.

- 2000 Романсовая лирика Удмуртии. Вып. 1. Редактор-составитель Э. А. Тамаркина. Ижевск. Удмуртский университет. 2000.

Терц А.

- 1979 Отечество. Блатная песня. – Синтаксис (1979) № 4 (см. также: Нева 1991, № 4; Дианов, Мучник, Фабрикова 1992, с. 4-38).

Успенский Э. Н. - Филина Э. Н.

- 1995 В нашу гавань заходили корабли. Песни. Сост. Э. Н. Успенский, Э. Н. Филина. М. 1995.

Хмельницкий Б. - Яесс Ю.

- 1996а Как на Дерибасовской... (песни дворов и улиц). Книга первая. Сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. Ред. Ю. Кавторин. СПб. 1996.

- 1996б Черный ворон (песни дворов и улиц). Книга вторая. Сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. Ред. Ю. Кавторин. СПб. 1996.

Чистов К. В.

- 1998 Фольклор и язык оstarбайтеров. Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. 1942-1944. Сост. и текстолог. Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. М. Звенья. 1998, с. 9-51.

Чистова Б. Е. - Чистов К. В.

- 1998 Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. 1942-1944. Сост. и текстолог. Б. Е. Чистовой, К. В. Чистова. М. Звенья. 1998.

Шаламов В. Т.

- 2000 Аполлон среди блатных. – Шаламов В. Т. Очерки преступного мира. Вологда. Грифон. 2000, с. 91-101.

Шелег М.

- 1995 Споем, жиган... Антология блатной песни. Автор-составитель М. Шелег. СПб. 1995.

- 1997 Аркадий Северный. Две грани одной жизни. Автор-составитель М. Шелег. М. 1997.

Юдин А. В.

- 2003 Языково-культурный образ Одессы в “одесских песнях”. – Przeszren w jazyku i kulturze. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin 2003 (в печати).